

СТОЯНИЕ

Бродит лето

Пологие тени, шелесты и сиянья. Они заманительны и спокойны. Они где-то рядом и где-то вдали. Они в медлительно тающих тучках. Они в траве, зажигающейся цветами. Они в шлемовидных стогах душистого сена. Они в черемухе под окном, где порхают с утра до вечера юркие птахи. И еще они в окнах старинного дома. Окна грустно глядят на просёлок, что уходит ползком к темнохвойному лесу, среди елок которого бродит с набереухой, собирая июльские рыжики, красное лето.

В синем зените

Лето – в синем зените. Оттуда, словно по золоту, льются, позванивая цветами, полупрохладные вечера. А в них – кусты и деревья, укладки зеленого сена, тенистые берега и веселая спинка ручья, разбежавшегося к реке, где торжественно, как цари, проплывают селезень с уткой.

У кузнечика на поляне

Облака. Как они медленно, еле-еле перемещаются над землей. Не облака, а столетия. А в столетиях тех - катаклизмы и катастрофы, на обломках которых и продолжается наша жизнь - суетливая, с перепугом, как у кузнечика на поляне, по которой пустили с утра косилку, и ему от нее никуда уже не сбежать.

1331544

Руку!

Бывает в разгаре осени очень крошечная ночь, когда все, что рядом с тобой, узнаешь по шороху трав или всплеску дождя. Ничего не видеть. Ты стоишь и моргаешь в потемки – сама беспомощность и ненужность.

Дайте кто-нибудь руку, чтобы выйти из темноты!

И ведь кто-то берет тебя за предплечье. Берет и толкает вперед. Ты опять продолжаешь идти.

О, как радостно бьется в груди при виде мелькнувших вдали огоньков! Хорошо, когда есть куда приходиться, когда ждут тебя, и ты знаешь, что там тебе рады.

Вечер

Заструился лепечущий дождь, под который попали овсяное поле, тропинка и бабушка с внучкой, торопившиеся из леса с наломанными грибами.

Дождь ушел так же быстро, как и пришел. И синеватый клин полумглы неуверенно выплыл из-за деревьев, протаскиваясь к сырým ивнякам и мерцающим зонтикам рослой сныти. Промельком, зацепившись крылом за рябиновый сук, очертилась летающая неясность. Было тихо и бестревожно. Утомленная за день земля потемнела и отошла от спешившего к ней с небес нависающего пространства, чтоб забыться и потеряться и не помнить себя до нового дня.

Чу-у! Летят!

День завален то ли осенними тучами, то ли туманом. Заблудиться в такую погоду можно даже и не в лесу.

Чу-у! Летят журавли. Их не видно нигде. Но они так упорно кричат, что их можно представить летящими над деревней. Крик, как компас, ведет журавлей за своим вожаком.

На душе становится выше и чище. Словно в тусклости дня прорубилась парадная дверь, за которой вот-вот, вся в огнях, зеркала и сияньях, объявится светлая зала.

В чужое пространство

В небесах все намечено к целевому передвижению. Косяки зорких звезд, серебристый Сатурн, молодая Луна – все плывет. Но не к дому плывет, не к зеленому теплому лету, что так вольно раскинулось на Земле, а куда-то в чужое, пугающей силы, пространство, одолеть, которое никому не дано, кроме них, заплативших за это движение собственной жизнью.

Выше Бога

Почему любят вьюги творческие натуры? Не потому ли, что в их душе поднимаются мощные страсти, без которых они не умеют творить?

Стоит ветру затихнуть, как все могущество снежной стихии нависнет сугробами вдоль дорог, источая холодную дрему, апатию и покорность.

Стихают мятежные ветры. Стихают и яростные поэты. И не рождается в их груди той высокой строки, что взвивается выше Бога.

Поэт и цветы

Поэт, в отличие от обычных людей, не только видит цветы на лугу, но и слышит, как в эти цветы из земли пробирается жизнь, чтобы стало вокруг все значительно и красиво.

Стояние

Надвигается туча. Она многослойна, темна и свирепа. Настолько свирепа, что разрывает себя когтями, из-под которых выбрызгивает огонь.

Молния, гром и ливень – высокие гении летней стихии. И мы перед ними невольно трепещем. И тянемся к ним с необъяснимой робостью и любовью.

С такой же любовью и страхом стоят обнаженные перед тучей укладистый стог и хрупкий цветок. Стоят, как хранители луга, которым нельзя уходить, и они не уйдут.

Все, что предгибельно, то и прекрасно. Прекрасен взъерошенный стог и упругий цветок в их великом стоянии перед бурей.

Вражда

Светлым вечером, когда тени от рослых деревьев ложатся в реку, разделяя ее на два края, берега отдаляются друг от друга.

Днем они приближаются, словно братья.

Зрелой ночью – меж ними – угрюмая тень. Будто здесь поселилась вражда, как несметная конница злого Мамайя.

Речная ночь

Как мягко и легко упала с дерева в реку дробящаяся тень!
Как с берега на берег, прикасаясь крыльями к воде, перелетел кулик!

Как ухнуло в лесу, и сразу, осутулившись, шагнули в нашу сторону нахмуренные ели!

Как робко над рекой скользнула юная луна!

Покой, дыхание реки и светлая тропа, плывущая по черноводью, будто голова саврасого на переправе.

На летящем коне

О, моя тихая темная ночь!

О, мои травы, ракитники и березы!

Ночь умеет вылавливать из души все незначуще-мелкое, все плохое, оставляя в ней лишь высокий полет вещей дум. Потому все, покрытое тьмой, растворяется, как ворота, и я вижу себя не на лавочке около дома, а на резво летящем коне, для которого нет препятствий и расстояний.

О, мой дружеский конь! Унеси меня в то пространство, где всегда продолжается ночь!

На другом берегу

Звезды порою мне кажутся чьими-то опытными глазами, которые видят, наверное, все. Может им, как волхвам, известно не только былое, но и будущее Земли. Может, видят они все то, что когда-то происходило, и все то, что когда-то произойдет. Вероятно, для них мы подобны большому парому, который с опаской переплывает неведомую реку. Интересно, что там, за этой рекой? На другом берегу?

Ракитовый берег

Нескончаемый дождь. Ты идешь по болоту. Страшно голоден и устал. А тропа под тобой и зыбка, и узка. И не знаешь, куда заведет.

Эх, сейчас бы гармонь! Развернуть бы ее. Развернуть бы, как жизнь! Чтоб была под ногами надежная твердь. Чтобы был впереди не слепой горизонт, а затопленный солнцем ракитовый берег. И на том берегу – твои лучшие дни.

На страшной лужайке

Душа улетает в космическое пространство. Как ей свободно, легко и смело! Однако нет добровольцев среди людей, которые бы хотели отправиться в этот чарующий путь. Потому что он жутковатый и начинается на лужайке, где, как цветы под косой, обрезается жизнь.

Пыл

Мне уже шестьдесят. Все, что налито было за это долгое время, выпил до дна. Износиться пора бы душе и телу. Может быть, и пора. Но одно замечаю: хоть от жизни еще не устал, но тревожнее чувствую вечер, а в вечере том - уходящий закат. Каждый раз он неведомый, переполненный пылом горения, что незримо летит от него сквозь родные леса, очень мощно летит, чтоб ворваться в мою затаенную грудь и наполнить ее энергией и любовью.

Где же твой сын?

Где же он, твой забубенный? На каком российском вокзале? Или на пристани? Или в притоне среди беспардонных сорвиголов? Или, может, в земле, куда закопала его чья-то поспешливая лопата?

Потемки

Перед тем как забраться в постель, он выпил стакан холодной воды. Понуро вздохнул и, уставившись взглядом в окно, разглядел свою безысходность. Она шла на него от парадных дверей магазина, от табличек с названием улиц, от мрачного с пестрыми флагами небоскреба, от копошившейся в темноте бойкой кучки людей, готовивших покушение. Покушение на квартиру с вещами. На банк. На еще не совсем разграбленную Россию.

В одиноком окне

Солнце уже привалилось к чернеющим елкам и потеряло свой свет. Лишь в одиноком окне нежилой, без крыльца и крыши избенки играло его отражение, словно там собрались без хозяина поздние гости, которые будут гостить только пару минут, пока не провалится в ельник усталое солнце и чья-то в широкой перчатке рука не задернет окно.

Посланица

Душа зашла в такой огромной и родной печали, как если бы ее коснулась мамина рука. А мамы нет. Есть только вспышки памяти о ней, в которых мама появляется всегда светящейся каким-то неземным приветом, с кружком вокруг смиренной головы. Быть может, это даже и не мама. А тайная посланица небес, кому поручено увидеться с тобой и, усыпив тебя смертельным сном, доставить для допроса к Богу.

Соловьиное настроение

На заре, когда солнце еще не взошло, распустила цветы свои молодая смородина, а минуту спустя, как в раю, в ней запел соловей. И великая песня его подняла тебя так, что тебе стало тесно в саду, и ты начал расти – вверх и вверх.

Но когда ты дорос до небес, замолчал соловей. И ты тут же спустился на землю. И вздохнул, как вздыхает поэт, у которого отобрали воображение.

Угомонись, метель!

Там, за окном, холодный резкий ветер, в котором крутятся обломанные ветки, хлопья снега и черный, как летающий дракон, кусок сорвавшегося с крыши рубероида.

А в кухне, где большая печь, тепло и гомонливо. Гомон – от трубы, в которой словно бы сошлись коллеги-оркестранты.

-Шуми, метель!

Я слушаю ее, как друга, который перепил и вот куражится, смеется, пляшет и буянит.

Вдруг в мерзлое окно кидается озябшая синичка. Летает и висит, пытаюсь зацепиться лапками за раму. Я рад бы ей помочь. Но между нами два стекла. Еще секунда – и синички нет.

Вновь музыка в трубе, как бешеные крики куражира, который разъярен и хочет меня выставить за дверь.

-Угомонись, метель!

Склоняется душа

К кому склоняется душа с признательностью и поклоном?

Пожалуй, к каждому, чья жизнь отмечена запоминающимся крахом, вместившем гибельный поступок смельчака и злую смерть, что повалила под себя. И человек досрочно выехал на катафалке в мертвый город, где похоронено огромное количество людей, унесших миллионы тайн, которые не раскрывают.

Улетающий лист

Уносит листву гуляющий ветер. Куда она понеслась, золотисто забрызгав прогалы родимых берез? Глядишь на нее, как влюбленный, чья жизнь так легка, так сиятельна, так воздушна, что, кажется, вместе с листвой улетаешь и ты. Куда улетаешь? Туда, разумеется, где ты не был и, где тебя ждут самые нежные, самые дорогие. Ждут, как вестника жизни, в которой когда-то значились и они, пока их в свои палестины не позвала безмятежная вечность.

Мгновение

Тот счастлив, кто никогда не узнает, что жизнь оборвется мгновенно. Не будет даже секунды, чтобы осмыслить, когда и как все это произошло.

Из красной темноты

Поэты и художники! Ну почему вас нет? И некому запечатлеть этот загадочный закат, когда ушедший день как бы на миг остановился и посмотрел из красной темноты куда-то через нас, чтоб разглядеть всю нашу жизнь до гибельного края, и тут же сгинуть по ту сторону заката, куда стекала, как печальная река, еще одна тревожащая ночь.

Над ручьями и городами

Гуляет луна по надземному кругу, словно высматривая кого-то, с кем ей важно поговорить.

Почему ее любят влюбленные?

Почему, когда с нею один на один, прозревают высокие думы и к сердцу являются отблески чьей-то удачи, открытой улыбки и чистоты?

Заглянула луна в избяное окно, и парнишка в кровати восторженно вздрогнул, словно кто его поднял, как легкую птицу, и смело понес над ручьями и городами глубоко и спокойно заснувшей земли.

Сбор

Я лежу, погружённый в траву. Мимо меня, как красивые сны, проходят легкие на ногу кони. Проходят и белые облака.

Минута – и вот уже нет ни тех, ни других. Только небо. Оно такое прозрачное в своей нестареющей синеве, что кажется где-то за ним с самодельной дудой сидит пастушок, сторожа непорочную просинь и тот особо прелестный момент, когда его губы потянутся к инструменту, и он, сияя глазами, объявит всем косогорам, загонам и пастбищам, где гуляют стада, повелительный сбор.

Крайний в длинном ряду

Вся наша жизнь состоит из прощаний. Прощаясь, мы с болью в душе расстаемся с самым привычным и дорогим.

Прощаемся с детством.

Прощаемся с другом.

Прощаемся с матерью и отцом.

При этом, мужая и закаляясь, приобретаем опыт ненужных потерь. К потерям мы подготовлены, зная, что их избежать уже не удастся. И только одно из прощаний – крайнее в длинном ряду, что заповедано под конец, застает нас врасплох.

Мы заказали себе непрерывную жизнь, не зная того, что к ней с самых первых шагов прилепилась и наша кончина, которую мы несем и несем, пока она в нас не вырастет и не встанет, как вытесняющая судьба.

Забывтое поле

Задичавшее поле, где когда-то твердела в наливе высокая рожь, заросло плодовитыми сорняками. Это наша действительность, перекосы угрюмого века, на ветрах которого разлетаются семена чернобыльника и осота.

А над полем – привычные добрые облака и такое же доброе солнце, и знакомый косяк отлетающих птиц, и оса, зависшая над ромашкой. Это вечность, какая была здесь и прежде.

Остаться с таким же не изменяющимся лицом предстоит ей всегда. Потому что оса и птицы, солнце и облака

обходились и обойдутся без человека. Человек же без них обречен. И еще обречен он без хлебного поля. Возвратить ему лучшие дни может лишь колосистая рябь поспевающих ржей, на усах которой качается доброе солнце.

Отдельно от сердца

Смерть еще не прошла ледяной полосой по всему его телу, а он ощутил ее в той неестественной боли, какая заполнила щель от ножа, полоснувшего около сердца. И только глаза, не веря в случившееся, упорно выкатились наружу, и в них прокарабкалось удивление: «Да нет! Не меня! Тут чего-то не то...»

Но отдельно от сердца глазам не дано прожить и минуты. Так, раскрытые настезь, они и уставились в мир, от которого ждали опровержения. Но обратного счета всему, что случается с нами, нет, и не будет. Потому и затихли они вместе с сердцем, не поверив тому, что у них отобрана жизнь.

Свой

Былое явилось, как месть. И стало знобко тебе от соседства с людьми, которых ты знал как живых, хотя они были уже неживые.

Зачем это надо?

Затем, чтоб заведомо знал, что и ты поселишься между ними и будешь для них бесконечно своим.

Постижение

Как спичка вспыхивает душа, когда она одержима. В таком огневом состоянии живет она только секунду. Что можно успеть за секунду? Можно увидеть то самое, что за целую жизнь разглядеть не успел. Это и есть запредельное, выход в сени не нашего мира, где обитает кто-то из двух – или его ничтожество Дьявол, или его величество – Бог.

Дилетанты и сямки

Из дилетантов, если они талантливы и упорны, рождаются будущие поэты.

Из графоманов, если они ловки и умны, являются миру сегодняшние певцы.

Из не прорвавшихся в лоно Поэзии рифмоплетов, выходят очень свирепые сямки, которым ни жить, ни быть, на кого-нибудь надо лаять, дабы лай их услышали и решили, что, и они что-то могут в литературе.

Стая

Сколько новых знамен! Новых лозунгов! Новых призывов! Между ними, лавируя, суетится проворная стая приготовленных к шабашу удалцов, от которых на сто лет вперед развращенно смердит переметным усердием и изменой.

Герои

Из всех героев, какие были когда-нибудь на земле, остаются, как светоносные: Пушкин, Тютчев, Лермонтов, Фет... А ведь были герои и грозные, будто вышедшие из бури: Святослав, Ярополк, Долгорукий, Невский, Донской... Были герои толпы: Стенька Разин, Иван Болотников, Емельян Пугачев.... Были и те, чьи идеи взвивались над городами: упорный Столыпин, стремительный Ленин и сокрушающий всех, кто не с ним, Иосиф Виссарионович Сталин.

Были герои. А ныне? Есть ли такие, кого мы готовы нести, как святую хоругвь? Нет. Но, наверное, будут. Время выдвинет из толпы того сильного человека, за которым пойдут и придут, как приходят в свой дом. А пока... мы в пути. Далеко-далеко от дома...

Дрёма

Скучнеешь с годами. И когда тебе все надоест, то поймешь, что на бывших дорогах твоих промелькнула не жизнь, а дрёма. В этой дрёме ты был, как слепой, оттого и пошел самым скверным путем. И сейчас по нему идешь. Вроде, надо бы

выйти из дрёмы, чтоб участвовать вместе со всеми. «В чем участвовать?» - спрашиваешь себя. И опять прикрываешь глаза, чтоб сберечь их от наглого света, которым так и сверкает эта стомиллионноголовая, немного смешная, немного наивная и немного забавная жизнь.

Защитница луга

Устал от дороги. Захотелось свалиться в траву. Пал в нее, прикикая к цветам.

Захмелела моя голова. Застучало в груди. И, мутнея сознанием, понял: этот черный угар пролила белена, проявляя себя среди трав, как защитница луга.

Итог

Оказался, вроде бы, не у дел. Суечусь. Что-то делаю. Да не то. Словно стреляю в мишень из винтовки. Но зря. Мимо цели. Глаз стал не тот. И рука потеряла привычную твердость. Ну а сердце? А сердце все то же. Только с износом на девять десятых.

Стремился к чему-то. Старался. И вот ни к чему не пришел. Одна лишь десятая. Мало. Побольше бы дай. Однако душа отвергает. Чужого не надо. Принимаю, пускай и чутошно-малое, но свое.

Отставшее детство

Теплое летнее закатное. Рделое облачко. Запах полыни. Что же ты так взволнованно смотришь на мальчика, бодро несущегося к деревне? Мальчик бос и лохмат, в съехавшей с плечика белой рубашке. Бежит по кошеному лугу, сияя той долгой улыбкой, какая не кончится никогда.

Это же ты! – постигаешь душой. Бывший, еще не забытый, с ликующими глазами, сквозь стаю лет разглядевшими жизнь, в которой все сбудется и все будет.

Стая лет пролетела. И ты с устоявшейся грустью спрашиваешь себя: так ли на самом-то деле? Не так! –

получаешь в ответ жесткий голос, каким вещает невидимая судьба.

А мальчик бежит себе по лужку – веселый, растрепанный, предовольный, не приготовленный для печалей, как легкий на ногу ветерок, в котором – и шелесты трав, и всплески листвы, и шаги навсегда от тебя отставшего детства.

Коса

Я, кажется, схожу с ума, поэтому и окликаю их.

-Ты, Юра, здесь?

Но Юра промолчал.

-Ты, Коля, здесь?

И Коля промолчал.

Потом зову Сережу, Стасика, Никиту, Гешу. Я перечислил всех своих друзей. Однако мне никто не отозвался.

Я всматриваюсь в зимние потемки. Дорога. Изгородь. Покрытые голубизной глубокие сугробы. А чуть повыше, в бахроме подравшихся друг с другом туч, - летучая луна. Она беспечна и легка, как голова старинного дружка. И почему-то от нее идут воспоминания о тех, кого скосила смертоносная коса.

В трех состояниях

Вековая, покрытая пылью и шорохом ног отеческая дорога. Какая она кривая и длинная, не имеющая конца!

Не имеющая? Неправда! Здесь, у вросшей в могилу матерой березы, как будто споткнулась она о калитку, разделившую мир человеческий на два края.

Ах, как плещет береза своими ветвями на горячем июльском ветру! То, кидаясь куда-то вправо, где стекаются к ней проселки и тропы. То – влево, где таинственный город зарытых в земле мертвецов. То взмывается вверх, где небо.

Я гляжу на нее и с ознобом в душе постигаю, что живет она в трех состояниях. Если бросится вправо – смеется. Если влево – рыдает. Если вверх – обмирает, будто ей зачитают сейчас приговор.

Посреди миров

Приходит время новым городам и новым государствам. Все старое сметается, как пыль. Нет даже древних деревень. Есть только те, которые растут на пустырях и пепелищах.

Приходит время уходить. И мы уходим – тихо, нехотя, по одиночке. Нас нет. Но место наше занято. Пустот у жизни не бывает.

Восходят над народами народы. Восходит и заходит солнце. И посреди миров, как исполинский пароход, плывет Земля. Плывет в чудесную и страшноватую, как сказка, неизвестность.

Сыны

Фронтовики! Как мало вас! И потому вы тянетесь друг к другу. Как напоследок. Как в последний раз.

Все тише раздаётся «Синенький платочек». Все несдержимее и ближе слабая слеза. Но кто бы знал, как сильно в вас живет воспоминание о том, как проходили вы внизу, под самой смертью, которая в вас метила, но, промахнувшись, срезала других! И оттого вы рядом с нами, точь-в-точь ходячие музеи. В музеях же – кровавые окопы, выстрелы, встающая с колен поработанная Европа и светлая, как утро, дорогая Русь, с которой вы остались до конца, как настоящие ее сыны.

Веселый лейтенант

Я так хотел увидеться с отцом! Хотел дождаться Дня победы, когда отец, устало улыбаясь, вернется, наконец, в наш тихий городок. Обнимет мою мать. Обнимет и меня.

Но этого случиться не могло. Отец был где-то в Казахстане и отбывал в одном из строгих лагерей десятилетний срок. И потому в один из майских дней я растерялся, когда увидел среди первых пассажиров пришвартовавшегося к пристани большого парохода высокого, в красивой форме, при наградах лейтенанта, который, разглядев меня, тихонько засмеялся и, подбежав ко мне, раскинул руки. Я моментально вырос над

толпой, приник лицом к его шершавому лицу. От необычной радости я заморгал, заулыбался и приготовился услышать: «Здравствуй, сын!»

Но тут нас окружили, замелькали женские платки, прически, руки. И неожиданно тревожный голос:

-Анатолий! Это же чужой! Вот наш-то! Вот!

И лейтенант, смутившись, неловко опустил меня на землю.

Через минуту лейтенант, подхваченный родней, с приобретенным сыном на руках, шел по булыжной мостовой. Кого-то целовал. Кому-то улыбался. А я, толкаемый котомками, углами чемоданов и мешками, смотрел ему вдогонку и, усмиряя остроту всё возрастающей обиды, невольно думал об отце. О! Если бы он только возвратился...

На огромной пластинке

Колготливо в стране, шумливо и бередливо. И не сразу поймешь: кого у нас больше? То ли одетых в одежду людей очень ловких чертей? То ли людей, почему-то скинувших эту одежду? Все сошлись, как на вечно несущемся круге: мелкие жулики на вокзале, губернатор на Вольво, разбойники в переулках, пожилые и молодые, рабочие и крестьяне, олигархи и торгаши. Собрались, как на долгоиграющей, очень огромной пластинке, которую крутит с неистовой страстью, наверное, сам сатана. Крутит крамольник и замечает, как с круга один за другим срываются те, кто не мог устоять. И вот уже где-то они позади, за пределами долгоиграющей, где так тихо и так спокойно и где нет и не будет уже ничего.

Миллион

Жизнь и смерть. Между ними невидимо тонкая, как паутинка, ниточка-связь. На котором году она оборвется? Если б знать...

Нет. Не надо нам скорбных знаний, от которых бледнеет душа. Человек потому и бывает беспечен и рад, что не ведает, сколько шагов у него в этой жизни осталось. Миллион? Или только один?

Честные и светлые

- Где сегодня честные?
- Неизвестно.
- Где сегодня смелые?
- В коммерсантах.
- Ну, а эти, светлые?
- Светлые в народе светятся печалью.

Нельзя!

Грядущее, как гоголевский Вий. Глядеть в его глаза нельзя: останешься слепым. И не глядеть нельзя: споткнешься, и тебя затопчут те, чей топот за тобой такой же неостановимый, как и поступь Вия.

Звонок

Зло и добро перемешаны. Того и другого достанется каждому в равной мере, за исключением ранних, ушедших из жизни не по звонку.

Звонок же небесный дает сигналы лишь тем, кто от жизни забрал сполна и готов прихватить напоследок еще и чужое.

Бесплатный подарок

Ты живой! Разве этого мало? Ведь такое дано на земле только тем, кого смерть обошла стороной.

Почему мы не ценим того, что глядим на восход? Слышим гром? Пожимаем друг другу руку?

Почему мы всегда чем-нибудь недовольны? Почему нам всегда чего-то недостает?

Ты живой! Это так удивительно! И за жизнь свою никому не обязан платить, потому что тебе подарили ее бесплатно.

Далекий стук

Нет семьи последнего Государя. Но есть ужасное волнение, с каким намеченная к смерти плоть цепляется за жизнь, хватая тот чудесный воздух, без которого она – ничто. И этот воздух с его тленом, скорбью и расправой остался в памяти моей, возможно, потому, что он вместил в себя историю России и нынешнее время, и меня, к кому в минуты потрясающих раздумий подходит отдаленный стук замученных сердец, с которым в тот жестокий день ушла семья последнего Государя. Ушла, как по утрам уходит ночь, цинично обнажая в трепетных лучах зари развернутые тени тех, кто убивает.

Поздно

Кончено. Поздно куда-то бежать. Сейчас заберут. И простить тебя может лишь срок, который пойдет отсчитывать твою жизнь по суровым лагерным установкам. Куда бы тебе подеваться в этот губительный миг? Откинуться бы назад. Разумеется, не к забору, к которому ты припёрт, а к далекому прошлому, к светлым дням, когда ты был маленьким и не знал, что однажды придется спастись, убегая от наказания, как от собственной тени, которая, как ни старайся, а от тебя уже не отстанет.

Пядь земли

Нерусское вино. Нерусское пальто. Нерусские консервы. Нерусский самолет. Нерусская дорога. Нерусская душа.

Что русского осталось? Только пядь земли, в которую старательно вгоняют и не могут, ну никак, вогнать.

Глаза в глаза

С интересом гляжу на врага, не умеющего сдаваться, принимая как должное ярость его и готовность меня уничтожить. Однако не с помощью чьих-то услужливых рук, не ценой наговора и клеветы, а в обычной, глаза против глаз, честной схватке.

Да восславится тот, кому быть наверху! Да простится тому, кто будет повержен!

Счастливая территория

Облако в облако вплыло, образовав на карте небес белопёрое государство. Так и душа, сливаясь с душой, образуют счастливую территорию, где, подобно восходу над вспаханным полем, торжествует разверзнутое сиянье.

Ожидание

Окна к ночи не то чтобы тускло темнели, скорее они готовились к темноте, насторожённо внимая каждому шагу и шороху на дороге, словно ждали от них подвоха и, выкарабкиваясь из рам, выставляли себя, как щиты, способные взять на себя неожиданные удары.

Ночь начинается с тишины, какая приходит на землю, чтоб принести глубокие сны, положив их под голову каждого, кто увидит в них тот особенный мир, где, как вихри, проносятся чьи-то мелькнувшие жизни.

Где я?

Так тихо. Так темно. Так немо разрезают бахромю небес реснички мерклых звезд.

Где это я? В деревне, что ли? В распахнутых воротах старого сарая, откуда очень чутко ощущаю эту ночь, наполненную тишиной, в которой чуть слышны крадущиеся тени засыпающей деревни?

А может, я – вне времени, и на земле я – гость. И жизнь моя, как бы уже и не моя. И мне лишь кажется, что я стою в воротах ветхого сарая, хотя на самом деле я совсем не тут.

Так где же я в конце концов?

Высшая награда

Ко мне, как к войсковому капитану, орден поднесли. Хотят его надеть на лацкан пиджака. И денег дать, как отличившемуся в

этой жизни. А я уже устал. И мне не надо ничего – ни ордена, ни денег. Не надо и парадной суеты с красивыми речами, пожатиями рук и выстрелом шампанского куда-то в люстру или в потолок.

Подайте мне лишь два великолепия - покой и одиночество, и сверх того, как высшую награду, блистательную ночь в сиянии высоких звезд, в которых я увижу всех своих друзей, умчавшихся туда, чтоб встретить там тот самый день, который наступает после жизни.

Букашка

Казалось бы, гроза ушла. И вот опять гремит. Однако не с востока, где перевалы темных туч, а с запада, откуда бешено несется скандинавский ветер, приподнимая крыши изб и забирая в круговерть поленья, копны сена, куст крыжовника и стадо куриц с петухом, чье кукареканье летит над трубами деревни, как чья-то пропадающая жизнь.

-Спасите! – слышишь в петушином крике и, провожая взглядом всполохи ломающихся крыльев, сжимаешься и чувствуешь себя перед могуществом разгневанных небес, хотя и боевой, но малосильной и бессмысленной букашкой.

Маленькое лето

Закатный свет еще горит и видно, как под ним играет сонная волна, накатываясь на берег. Река глуха. Осенним зайчиком бежит по ней прыгучий луч. С березы, прошуршав, слетает целая охапка желтых листьев. Один из них упал тебе на голову. И ты почувствовал его микроскопическую массу, как если бы на голове твоей лежало маленькое лето, вернувшись из былого, чтоб подарить тебе пропахший солнцем золотистый лист.

Дороже рая

Дороже рая для меня земля, где я выращиваю овощи и абрикосы, хожу с корзиной за грибами, а вечерами наслаждаюсь золотой рекой заката. Плывет река, как

откровение законченного дня, когда всё утишается, смеркается и глохнет, и на усах антенны, словно сторожика, сидит, поблескивая желтыми очами, недвижимая сова - живая сказка, перевитого травой и ольхами оврага.

На груди земли

Душа затихла, как затих однажды колокольчик под дугой. И стало ненадежно, как при вызове в прокуратуру. В последний раз взглянул в себя, как в непрочитанную книгу. И тяжело, как колокол на звоннице, когда его срезают, рухнул вниз. И, лежа на груди земли, пробормотал: «Да здравствует покой...»

Сергей Петрович БАГРОВ

Эта книжка должна была выйти два года назад. Однако издатели города Харовска, многократно меня обманув, так и не выпустили ее. Называлась она «На другом берегу». Я позвал на подмогу память. К сожалению, вспомнил не всё, поэтому книжка моя изменилась. И называться стала «Стояние».

Книжка эта о странностях смутного времени, о тревогах, нависших, как тучи, над нашей землей, и еще о славянской душе, не умеющей быть расчетливой и циничной, потому что в основе ее - пощада, жертвенность и любовь, перешедшие к нам от родителей, как наследство.